

Случилось так, что в тот самый момент, когда мне положили на стол анкету, посвященную Толстому, я читал биографию Бернарда Шоу, написанную Хескетом Пирсоном, и книга была раскрыта на одном из тех двух мест, где упоминается Толстой. Наиболее важный пассаж касается спора между Шоу и Толстым о боге. Шоу послал Толстому экземпляр своего романа «Разоблачение Бланко Поснета», сопроводив его пространным изложением своих мыслей о боге. Толстой однажды посетовал на то, что в пьесе «Человек и сверхчеловек» Шоу недостаточно серьезно говорит о боге. А Шоу заметил с иронией: «А что, если мир — всего лишь одна из шуток бога...»

Любопытно, что, когда бы я ни читал Толстого, у меня каждый раз было такое чувство, что он смотрит на дела людские как на своего рода божественную шутку — шутку не христианского бога, а языческих богов, которые постоянно вмещивались в дела людей и имели обыкновение сходить на землю, коль скоро у них являлась охота сыграть ту или иную роль в разыгрывавшейся перед ними человеческой драме. Я не говорю, что сами герои Толстого были полубогами. А просто хочу сказать, что Толстой будто был как-то связан с языческими богами — творцами вселенной, ибо он умел так изобразить, так ярко обрисовать поведение людей, как если бы он, и только он один, обладал неким удивительным даром проникать в людские мысли и поступки.

Как человек, Толстой был моралистом и теистом, но в своей творческой деятельности он был гуманистом в широком значении этого слова, пониманию которого были доступны сферы, находящиеся за пределами его собственного аскетического жизненного идеала. Как только он брался за перо, чтобы создать художественное произведение, он становился истинным Толстым. Другой Толстой был всего лишь тенью его подлинной сущности.

Мир Толстого был миром мужчин и женщин, сталкивающихся со сложными и предстающими вне связи друг с другом моральными, социальными и интимными проблемами, которые раскрываются в повседневном бытии и в масштабах всего мира в целом. Именно это исключительное умение изобразить не только простейшие чувства и состояния человека, но и показать его место в мироздании и делает Толстого подлинным мастером литературы — мастером, у которого учились и учатся все остальные. Толстой имел свой, особый взгляд на мир, которому он всегда оставался верен в

творчестве, и никому еще не удалось сравняться с ним в умении представить историю как дело рук простых человеческих существ, которые порой жертвы в сети событий, а порой сами играют в них сознательно выбранную роль.

Каждого, кто читает Толстого, обогащает его мир. Женщины поражаются тому, с какой легкостью и точностью он улавливал чувства молодых, замужних, греховных, непорочных, наконец, обыкновенных женщин. То же самое можно сказать о любом мужчине, читающем Толстого. Рано или поздно обнаруживаешь в том или ином толстовском персонаже целую гамму собственных эмоций и душевных движений. Это ощущает и простой крестьянин и князь. В этом универсальность Толстого, побеждающая классовое и даже национальное в его мышлении. Толстовские французы в «Войне и мире» так же убедительны, как и его русские. Простые солдаты изображены у него с таким же совершенством, как и его генералы.

Толстой понимал и счастье, и боль, но, изображая то или другое из этих чувств, он показывал, что в жизни есть большая сила, нежели людские страдания и наслаждения. Он говорит, что боли, любви, долга, мужества, чести, трусости, стыда — всего этого недостаточно. По сути дела он говорит, что за пределами этих чувств и над ними действует некая жизненная сила, и, подобно Шоу, он верит в эту силу всем своим существом. Вот почему вы заканчиваете любую книгу Толстого с таким ощущением, словно вы пережили что-то в реальной жизни. Она становится больше чем книгой, она превращается в часть вашего опыта.

Толстой — один из немногих писателей, которые не нуждаются в эпитафии или в монументе для увековечения их памяти. Его литературное творчество — вот эпитафия и памятник его. Толстой так же жив сегодня, как был жив в прошлом и как всегда будет жив в будущем, пока люди способны читать и пока мужчины и женщины способны любить, смеяться, плакать, страдать и отчаянно пытаются понять друг друга.